

Стоял знойный летний месяц, но с неба валил густой снег, похожий на клочья разорванной шерсти. Снегопад посреди лета — предвестник беды, невиданная аномалия.

Ледяные хлопья касались плеч Цзян Ту и тут же таяли под палящими лучами солнца. Влажная жижа — то ли талый снег, то ли кровь — пропитала длинные волосы и липкими струйками побежала по спине, расплзаясь, точно ядовитые змеи, и заставляя содрогаться от нарастающей дрожи.

Дыхание Цзян Ту прерывалось. Цепи натянули его руки до предела; тяжелое железо пробило ключицы, удерживая измученное тело на весу. От жажды его губы потрескались и побелели, лишившись былой жизни.

Из его груди вырвался глухой, едва слышный стон.

А в следующий миг и палящее солнце, и безумный летний снегопад растаяли без следа. Веки Цзян Ту судорожно дрогнули, и он медленно открыл глаза.

Разум вернулся к нему мгновенно — он не мог позволить себе ни секунды слабости или растерянности.

Свет, лившийся из окна, слепил глаза. Цзян Ту сощурился, привыкая к яркому утру, и огляделся.

У постели никого не было, но чуть поодаль, подперев кулаком щеку, дремал златовласый юноша.

Цзян Ту нахмурился и, навалившись на локти, медленно приподнялся.

— Байцзэ?

Неужели мерещится? Откуда здесь взялся Байцзэ?

В этот момент голова лекаря соскользнула с руки. Он едва не повалился на пол, испуганно захлопал ресницами и, разглядев Цзян Ту, радостно воскликнул:

— Цзян Ту! Наконец-то ты пришел в себя! Ты хоть представляешь, сколько проспал?

Он вскочил со стула, но затекшая нога подкосилась, и юноша, комично прихрамывая, бросился к кровати.

— О Владыка преисподней...

Все-таки не привиделось. У Цзян Ту раздраженно дернулось веко. Оборвав жалобный лепет гостя, он привычным жестом возвел вокруг лежа безмолвный барьер.

— Сколько я спал?

Байцзэ молча показал семь пальцев:

— Семь дней. Целую неделю.

Цзян Ту застыл от изумления.

Неужели так долго?

Он помнил лишь невыносимую, разрывающую муку перед тем, как провалиться в беспамятство. Эта боль терзала не плоть — она исходила из глубин души, словно пытаясь расколоть его естество надвое. Прежде Цзян Ту перетерпел бы такое, даже не поморщившись, но на сей раз изнуренное тело само сделало выбор в пользу целебного сна. Только погрузившись во тьму, он мог отгородиться от этих страданий.

Теперь стало ясно, почему здесь очутился лекарь. Цзян Ту пристально посмотрел на него:

— Выкладывай, Байцзэ. Что со мной стряслось?

Тот испуганно сглотнул:

— Да пустяки, в общем-то... Ничего страшного, просто...

Цзян Ту едва заметно улыбнулся, но от этой улыбки температура в комнате мгновенно упала до зимней стужи:

— Говори правду.

Цзян Ту не стал угрожать, но по спине Байцзэ уже струился холодный пот. В это мгновение он почувствовал себя не в уютной комнате смертного мира, а в мрачных чертогах Дифэна, где его, связанного по рукам и ногам, швырнули в Дворец Яньвана.

Только сейчас божественный лекарь по-настоящему осознал, почему грешные души готовы были бесследно сгинуть, лишь бы не являться на суд в Дворце Яньвана. Ему и самому безумно захотелось упасть на колени.

— Да уж, — пробормотал Байцзэ, — тысяча лет на посту Владыки преисподней даром не

проходят...

Один лишь холодный взгляд Цзян Ту дышал властной, ледящей душу мощью, не терпящей возражений.

— Не увиливай, — оборвал его Цзян Ту.

По робкой заминке лекаря Цзян Ту сразу понял: тот что-то недоговаривает. Впрочем, он и сам чувствовал неладное. Байцзе действительно просил его держаться подальше от дыхания скверны, но это предостережение всегда звучало скорее как дружеский совет, нежели как строгий запрет.

Поначалу Цзян Ту списывал все на слабость смертной плоти — мол, из-за скудного духовного развития тело под воздействием скверны быстро начнет разрушаться. Именно поэтому до восстановления барьера Небесной реки он избегал стычек с призрачными зверями и старался понапрасну не тратить духовные силы.

Однако нынешний удар оказался куда сокрушительнее прежнего, когда пришлось уничтожить Будду Тысячи Лепестков Лотоса. На этот раз разрушительный откат преодолел физические оковы и ударил прямиком по душе.

— Дело ведь не в хрупкости этого тела, — твердо произнес Цзян Ту. — Моя душа... Она уязвима, верно?

Байцзе опустил голову так низко, словно силился заглянуть под кровать.

— Да, Цзян Ту, — признался он, сгорая от стыда. — Как ни крути, это не твое родное тело, а лишь подготовленный труп. Дыхание скверны без труда проникает сквозь мертвые ткани, отравляя твою душу и ускоряя тление плоти.

— Почему ты молчал с самого начала? — бесстрастно спросил Цзян Ту.

Байцзе запустил пальцы в свои золотистые волосы.

— Буду откровенен: мы не предполагали, что дыхание скверны подействует на тебя столь сокрушительно. Это выходит за любые рамки разумного. Мы просто не хотели связывать тебе руки лишними тревогами и надеялись сначала во всем разобраться...

— Но так ничего и не разузнали, — закончил за него Цзян Ту.

Байцзе тяжело, обреченно вздохнул:

— Любое существо, когда-либо ступавшее по Небесному пути, неизбежно оставляет след в мироздании. Даже если прошли тысячи, десятки тысяч лет! Но твоя прошлая жизнь... Ее словно кто-то начисто вычистил...

Осознав, что сболтнул лишнего, он испуганно замолк и уставился на собеседника.

— Прости... Я ляпнул не подумав.

Цзян Ту лишь покачал головой, ничуть не задетый его словами. Он спокойно оглядел собственные руки, поворачивая ладонями то вверх, то вниз.

— Все в порядке. Значит, процесс увядания этой плоти уже запущен?

Лекарь вздрогнул. Черный юмор Цзян Ту вмиг лишил его остатков тепла.

— Нет, кожа с тебя клочьями не слезет... Считай, что речь идет о сокращении срока жизни. Изначально это тело могло прослужить тебе добрый век...

Он замялся, но все же договорил:

— Теперь же тебе отпущено от силы пятьдесят лет.

Пятьдесят лет.

Цзян Ту слишком долго правил Дифэном, где один день тянулся как целый год в поднебесном мире. Пятьдесят лет для него — лишь мгновение, песчинка, скользнувшая сквозь пальцы.

Для великих заклинателей, обретших золотое ядро и вечную молодость, этот срок тоже казался смехотворным.

Но для простых людей в эпоху хаоса и войн пятьдесят лет были целой жизнью — от рождения до глубокой старости.

— Мне хватит, — бесстрастно отозвался Цзян Ту. — Главное — поскорее помочь Е Хуаю взойти на божественный престол. Так мы спасем куда больше жизней.

Байцзэ изумленно округлил глаза:

— Цзян Ту... С каких это пор тебя заботит судьба простых смертных?

В ответ тот лишь одарил его холодным взглядом:

— Есть другие новости?

— Разумеется, это касается судьбы Е Хуая, — лекарь мгновенно переключился и снова заговорил с воодушевлением. — На его предначертанном пути вновь наметились сдвиги. И пусть они пока незначительны и не могут переписать саму гексаграмму — полагаю, сказывается то, что вы еще официально не скрепили узы ученичества, да и сам мальчишка слишком юн, — но это лучшее доказательство, что мы выбрали верную дорогу!

Он самодовольно улыбнулся:

— Посуди сам: если я буду рядом, ты сможешь в любой момент узнавать об изменениях в его судьбе. Именно поэтому я выпросил у Сун Хэна дозволение подняться в мир смертных и остаться с тобой. Ну что, Цзян Ту, чувствуешь прилив благодарности?

— Безумный прилив, — сухо отозвался Цзян Ту. — Где Е Хуай?

Он прекрасно помнил, как перед потерей сознания так и не успел исцелить раны мальчишки. И пусть Байцзэ обладал непревзойденным врачебным искусством, на душе у Цзян Ту все равно было беспокойно, пока он сам не удостоверится, что с ребенком все в порядке.

— Какая поразительная забота! — зацокал языком лекарь. — Не успел глаза открыть, а уже ищешь своего ненаглядного ученика. Пошел он целебный отвар для тебя готовить.

Цзян Ту удивленно приподнял бровь:

— Ты доверил ему варить лекарство?

Байцзэ закатил глаза:

— Ну и мина! Я, по-твоему, рабовладелец? Он сам наотрез отказался от чьей-либо помощи. Сказал, что никому не доверит это дело, и будет лично следить за котлом, пока снадобье не сварится. Да и вообще... Ты на себя посмотри.

Цзян Ту опустил взгляд и только сейчас обнаружил, что на нем красуется совершенно новая, белоснежная нижняя рубаша из тончайшего, нежного шелка, которая приятно сохраняла тепло.

— Чтобы позволить мне сменить твоё запятнанное одеяние, — ворчливо продолжил лекарь, — этому упрямцу пришлось чуть ли не в ноги кланяться. Едва согласился! И все время, пока я тебя переодевал, стоял над душой и сверлил меня подозрительным взглядом, словно я

замышлял недоброе. Ну и ну, Цзян Ту... Ты прямо-таки мастер по дрессировке собак. Не знай я, кто такой этот Е Хуай, подумал бы, что твой старый пес Сяо Хэй обрел человеческий облик.

При упоминании Сяо Хэя — преданного трехглавого черного пса, охранявшего поместье Владыки преисподней, — перед мысленным взором Цзян Ту возник кроткий, влажный взгляд Е Хуая. Он невольно усмехнулся:

— По крайней мере, Е Хуай не бросается на тебя с лаем при первой же встрече.

— Это точно, — расплылся в улыбке лекарь. — И даже наоборот, почтительно кличет меня божественным лекарем!

Но веселье быстро угасло, и Байцзэ посерьезнел. Помолчав, он ободряюще коснулся плеча Цзян Ту:

— Но послушай... Ему ведь предначертано убить наставника, чтобы обрести истинный Путь. Ты не думал о том, что твоя излишняя забота лишь усложнит его ношу? Когда придет время... Как он сможет?..

Цзян Ту мысленно усмехнулся.

«С чего он вообще взял, будто я его балую?»

В этот момент в коридоре раздались торопливые шаги.

Встретившись глазами с застывшим в дверях мальчиком, чей взор лучился смесью восторга и панического страха, Цзян Ту ласково улыбнулся ему, хотя в глубине его мыслей прозвучал беспощадный, ледяной приговор:

— Если у него не поднимется рука, я сам направлю его клинок, — произнес он с леденящим равнодушием.

В следующее мгновение безмолвный барьер рассеялся, заставив Байцзэ проглотить готовые сорваться с губ возражения. Тот лишь сокрушенно покачал головой и, решив не мешать, тихо выскользнул из комнаты.

Мальчик остался стоять у порога, бережно сжимая в ладонях пиалу с дымящимся целебным отваром, и преданно, не мигая, смотрел на Цзян Ту.

Тот мягко поманил его рукой:

— Подойди.

Е Хуай осторожно поставил пиалу на прикроватный столик и пулей бросился к постели.

Цзян Ту приглашающе похлопал по одеялу. Мальчик поспешно вытер испачканные сажей ладони о штаны и робко забрался на край ложа, прильнув к учителю, словно преданный щенок.

— Учитель, вы наконец очнулись... — прошептал он.

Цзян Ту мягко взял его за подбородок, заставив приподнять голову, и принялся внимательно осмотреть его лицо.

Всего за неделю Е Хуай заметно похудел. Под глазами залегли глубокие тени, веки припухли, а его прекрасные янтарные глаза покраснели и напоминали сморщенные орехи — сразу видно, сколько слез он успел выплакать за эти дни в одиночестве.

Цзян Ту скользнул взглядом по его одежде: она была покрыта бурыми пятнами запекшейся крови и грязью, словно мальчишка без устали валялся на земле.

Он осторожно коснулся припухшего века ребенка:

— Почему до сих пор не сменил одеяние?

За семь-то дней грязь въелась намертво. Несносный мальчишка.

Е Хуай зажмурился, с упоением отдаваясь ласке. От прикосновений учителя он так млел, что едва мог связать и слово:

— Я...

Цзян Ту продолжал осторожно разглаживать пальцами его веки — эти заплаканные глаза так и резали ему взор.

— Ну же, говори.

Мальчик судорожно вздохнул, и в ту же секунду на ладонь Цзян Ту упала горячая, влажная капля.

Е Хуай обеими руками вцепился в запястье учителя, прижал его ладонь к своей щеке и принялся ластиться, доверчиво и отчаянно, пока слезы ручьями стекали по его лицу, заливая пальцы Цзян Ту.

Глядя на это беззащитное существо, Цзян Ту против воли растерял всю свою строгость. Он так и не решился отнять руку, стойко перенося неприятное ощущение мокроты, и принялся ласково поглаживать мальчика по лицу:

— Ну все, полно плакать. Полно.

— Я... я не хотел переодеваться... — всхлипывая, пролепетал Е Хуай. — Потому что... потому что...

С этим ребенком Цзян Ту неизменно проявлял чудеса терпения:

— Почему же?

— На этой одежде... — зашептал мальчик, давясь слезами, — остался запах учителя...

Ему казалось, стоит снять эти лохмотья, и родное тепло бесследно исчезнет.

У Цзян Ту дрогнул уголок губ. Глупость какая-то несусветная, мальчишеская блажь. Однако Е Хуай говорил столь искренне и преданно, что в груди Владыки преисподней шевельнулось неизведанное, теплое чувство.

Он невольно вспомнил своего трехглавого пса. Когда Сяо Хэй крутился вокруг него, пытаясь лизнуть в лицо или уцепиться за подол, это никогда не вызывало у него раздражения. Напротив, забавное поскуливание пса казалось по-своему милым.

Пожалуй, сейчас он испытывал к Е Хуаю нечто подобное.

Смягчившись, Цзян Ту осторожно смахнул слезинку, повисшую на пушистых ресницах мальчика:

— Теперь, когда я очнулся, ты можешь спокойно переодеться. Сделай это чуть позже.

Немного помолчав, он добавил:

— Как твои раны? Затянулись?

Перед тем как лишиться чувств, он не успел до конца залечить повреждения Е Хуая. Разумеется, божественный лекарь не оставил бы ребенка без помощи, но раз уж Цзян Ту назвался его учителем, ему следовало проявить подобающую заботу.

Лицо мальчика озарилось глубокой благодарностью:

— Все прошло, учитель! Господин Байцээ меня полностью исцелил. А как ваше самочувствие? Ничего не болит?.. Ох, лекарство! Вы же еще не выпили отвар!

Е Хуай уже вознамерился соскочить с кровати, но зоркий взгляд Цзян Ту уловил едва заметную деталь. Он перехватил мальчишескую руку и крепко сжал ее в ладони. Его миндалевидные глаза подозрительно сузились:

— Что с рукой?

Мальчик вздрогнул. Когда он нехотя разжал кулак, на ладони показался уродливый, едва затянувшийся порез.

Шрам выглядел темным и бугристым. На ощупь кожа была грубой и неровной — рана явно уходила глубоко в плоть, и это не походило на обычную царапину. Такой след могло оставить лишь лезвие или острый осколок.

Е Хуай виновато опустил голову:

— Я... я случайно разбил кувшин с отваром. Хотел собрать осколки и порезался. Крови было много...

Цзян Ту безмолвствовал. От подобной неловкости он прямо-таки лишился дара речи.

Нелепость, да и только. Впрочем, если вспомнить, что этот дикарь до сих пор ел руками, подобная неуклюжесть казалась вполне естественной.

Решив не тратить слова на порицания, Цзян Ту соединил два пальца и плавно провел ими вдоль рубца. Мягкая духовная сила заструилась по коже, и через мгновение шрам бесследно растаял, оставив ладонь чистой и гладкой.

Мальчик глуповато уставился на свою ладонь:

— Спасибо, учитель...

Цзян Ту кивнул:

— Где-нибудь еще болит?

Мальчик рос в жестоких условиях и привык пренебрегать собственным удобством и здоровьем. Цзян Ту опасался, что тот утаит новые увечья, посчитав их пустяком.

— Нет-нет, больше ничего! — поспешно заверил его Е Хуай, смахивая последние слезинки с ресниц.

— Вот и славно, — Цзян Ту отпустил его руку. — Чэн Жан приготовил для тебя новое одеяние?

Мальчик робко кивнул. Чистое одеяние дожидалось его на столе целую неделю, но все эти дни ему было совершенно не до нарядов.

Цзян Ту ласково взъерошил его волосы:

— Ступай, переоденься. Я все еще должен тебе надлежащий обряд посвящения в ученики. Как закончишь, мы вместе отправимся к Чэн Жану.

Поскольку Байцзэ особо выделил значимость этого ритуала, а в Ордене Прихода и Ухода как раз полным ходом шла подготовка к ежегодной церемонии принятия учеников, следовало извлечь из этого максимальную выгоду.

Цзян Ту упомянул об обряде исключительно ради того, чтобы ускорить перемены в судьбе мальчика, однако эти простые слова отозвались в израненной душе Е Хуая оглушительным трепетом.

Мальчик не смел мечтать ни о чем, кроме возможности просто следовать за своим спасителем. Он и представить не мог, что Цзян Ту придаст столь глубокое значение их священной связи.

Тихонько шмыгнув носом, Е Хуай поспешно бросился к выходу, точно страшился, что учитель передумает. На бегу он скользнул взглядом назад и увидел, как Цзян Ту берет пиалу и осушает ее до самого дна.

Мальчик с облегчением выдохнул и невольно прижал ладонь к предплечью.

Какое счастье, что учитель не догадался закатать его рукава.

Иначе его взору предстали бы жуткие, пересекающиеся шрамы — ровно шесть глубоких порезов, тянущихся по всему предплечью снизу вверх.

Самый свежий из них едва успел подернуться тонкой корочкой, сквозь которую все еще медленно сочилась алая кровь.